

«Все, что я хочу сказать, это то, что чем дольше ты оставишь это, тем больше напряжения будет у всех нас, а не только у тебя».

Ламберт кинул взгляд на Эскеля. Ведьмак-старший даже не оторвал взгляд от меча, старательно втирая в него масло. 'Он прав. Тот Ламберт, которого я знаю, никогда бы не дулся и не хандрил из-за какой-то девушки. Он сделает шаг и проклянет последствия».

На этот раз Ламберт ударил ногой только что заговорившего седовласого ведьмака. В ярости Геральт легко убрал ноги за пределы досягаемости, из-за чего чуть не упал со скамейки, на которой они сидели.

— Кто тебя просил?

Геральт искоса посмотрел на младшего ведьмака. — Я думал, ты обсуждаешь с нами свою личную жизнь, так что... ты это сделал. Ламберт стиснул зубы.

— Нет... Эскель начал этот разговор сам. Как обычно, мне не нужны ваши советы по поводу постельных принадлежностей для женщин или чего-то, что с этим связано. Так что будь добр, отвали.

Эскель фыркнул и бросил понимающий взгляд на Геральта. Ламберт слышал, как кровь застучала у него в ушах. «Девушка мной не интересуется. Она мне так сказала. Может, я и придурок, но у меня, по крайней мере, есть порядочность, позволяющая уважать желания женщин. В отличие от некоторых, кого я знаю. Он выпятил подбородок и пристально посмотрел на Геральта.

Его братья не только не поднялись на враждебный тон, но и вздохнули в унисон, а Эскель печально покачал головой. «Она заинтересована. Любой, у кого есть половина мозга и глаза, может это увидеть. Каждый раз, когда вы проходите мимо, она поднимает глаза и смотрит вам вслед, как какой-то влюбленный больной щенок. Честно говоря, немного раздражает, когда вы, двое упрямых детей, избегаете друг друга.

Ламберт почувствовал укол боли в груди. Неужели она действительно наблюдала за ним? Но именно она хотела, чтобы все было «цивильно», что бы это, черт возьми, ни значило. — Почему бы тебе тогда не приставать и к ней? Зачем выбирать только меня?

Эскель драматично закатил глаза. «Потому что ты мужчина, и я не знаю ее так, как знаю тебя. Я могу сказать, когда ты прячешься от самого себя, брат. Я уже видел, как ты это делаешь. Он наклонил голову и поднял бровь. Ламберт почувствовал, как его лицо покраснело от тихого возмущения, а в глазах сверкнуло предупреждение об угрозе Эскеля. Зачем он вообще рассказал брату об Эйдене? Он даже не был уверен, что поймет, и теперь использовал его как оружие в своих аргументах, чтобы убедить его связаться с полудемоном. Черт, его личная жизнь была одним огромным провалом.

— Брось, Эскель. Он зарычал сквозь стиснутые зубы. «Если ты так заинтересован в ее счастье, почему бы тебе просто не пригласить ее на свидание?» Он имел в виду это как колющее возвращение. Его обычный метод прекращения разговора ему не нравился, но когда он взглянул на покрытое шрамами лицо брата, то увидел проблеск тоски и печали, от которого у него неприятно скрутило живот. Он знал, что Голубоглазые и Эскель стали ближе, особенно потому, что теперь они почти не разговаривали, но он никогда не видел в Эскеле ничего, кроме дружеского отношения к ней. Неужели он вообще упустил подсказки?

Теперь внутри него начал бурлить холодный колодец страха и зависти. Равнодушная и

отстраненная маска, которую он носил после неловкого разговора между ним и Голубыми глазами в кладовой, слегка сползла.

— Что ты предлагаешь мне сделать? Не могу же я напоить ее и поужинать в этом дрянном старом заведении. Рот Эскеля изогнулся в торжествующей ухмылке, но Ламберт видел, что теперь она еще не дошла до его глаз.

— Геральт прекрасно с этим справляется. Он сказал. Геральт устало посмотрел на Эскеля, прежде чем снова сосредоточиться на чистке меча.

'Да хорошо. Знаешь, у Геральта есть... Геральт. Мне нужно много отвлекаться, чтобы отвлекаться от всего этого». Ламберт пренебрежительно махнул рукой. — Или мешок с монетами, но не думаю, что Голубоглазые это оценят.

Эскель издал небольшой раздраженный звук, а затем сильно ударил Ламберта по руке. 'Привет! Какого черта?!'

«Хватит прикидываться придурком. Элли не хочет ничего необычного, ей будет хорошо только с тобой. Никаких отвлечений, никаких денег, только твое глупое лицо и очаровательное остроумие». Ламберт прищурился на брата, не уверенный, серьезен ли Эскель. На лице другого ведьмака не было и следа юмора, только откровенная честность.

'Он прав. Просто покажи ей, что тебе здесь нравится делать... возьми ее на рыбалку». Геральт, говоря это, даже не оторвал взгляд от меча, так что Ламберту понадобилось время, чтобы связать полезный, совершенно трезвый комментарий с седым ведьмаком. Его внезапно охватила волна неловкости, и он потер рукой затылок, обдумывая их слова.

'Ловит рыбу? Думаешь, ей это понравится?

'Да!' Его братья сказали в унисон. Теперь их взгляды были устремлены на него, в их голосах читалось раздражение.

'Я подумаю об этом.' — наконец, пробормотал Ламберт после долгой паузы, снова обратив внимание на свой меч. Внезапная эмоциональная честность заставила его прекратить этот разговор и вернуться к разговору о вилкохвостах или какой-то другой ведьмачьей ерунде.

— Ну, поторопись, да. Или я могу войти раньше тебя. Тон Эскеля был веселым и дразнящим, но теперь он осознавал это, и Ламберт определенно мог расслышать в нем реальную угрозу.

В конце концов ему потребовалось три дня, чтобы набраться смелости и подойти к ней. Он нашел Голубые глаза в ее новом любимом месте, в саду с травами, который она отремонтировала для Весемира. Подойдя к огороженному стеной участку земли, он почувствовал ее запах, доносившийся на ветру. Со временем он обнаружил, что ранее невыносимый запах серы и сельскохозяйственных животных легче отфильтровать, теперь он едва мог их чувствовать, только свежий, теплый запах мокрой земли и травы ударил его. Подсознательно он глубоко вздохнул, позволяя ее запаху окутать его язык. Он лениво задавался вопросом, есть ли у нее вкус дождя. Жар заливал его лицо, когда он быстро отогнал эту мысль в сторону. «Лучше не забегать вперед», — подумал он.

Она стояла на коленях на твердой, покрытой инаем земле, осторожно обхватывая руками пучок листьев мандрагоры. Некоторое время он стоял, неловко наблюдая за ней, ее каштановые волосы, как обычно, были наполовину зачесаны назад, а их пряди развевались на ветру. Ее брови нахмурились, а язык частично высунулся из розовых губ, когда она

сосредоточилась. Он думал о том, чтобы привлечь ее внимание, но часть его наслаждалась, наблюдая, как она смахивает с рук часть рыхлой земли, поглаживая заботливым пальцем один из листьев мандрагоры.

Сев на пятки, она заметила, что он парит по другую сторону низкой стены. Складка между ее бровей исчезла, и ее лицо расплылось в широкой улыбке. Несмотря на свои сомнения, Ламберт почувствовал, как у него заколотилось сердце при виде ее автоматической радости, увидев его. Затем ухмылка исчезла, и он увидел, как облака неуверенности плывут над ее лазурными голубыми глазами.

— Эй... все в порядке? — спросила она, ее голос был таким же неуверенным, как и выражение ее лица.

«Да, все в порядке». — сказал он, переминаясь с ноги на ногу. Его конечности, казалось, наполнились нервной энергией. Голубые глаза склонили ее голову набок, и снова появилась эта очаровательная складка.

— Тогда что случилось?

«Я просто пришел посмотреть... Я хотел сказать... может быть, если ты не занят тем, чем занимаешься здесь... Я подумал, не хочешь ли ты... к черту все это, что ты здесь делаешь? '»

Она на мгновение заморгала, не зная, что делать с его неловкой, заикающейся вспышкой, а затем медленно поднялась на ноги.

«Я занимаюсь садоводством». Она ответила медленно, как будто разговаривала с идиотом. Что он и предполагал, если быть честным. Он хотел спросить ее, пытался, но что-то завязало ему язык узлом. Если ему нужен был человек, он обычно подходил к нему и говорил об этом. Затем либо обильное количество алкоголя, либо деньги привели их в его постель. С ней он обнаружил, что не может произнести ни слова и не знает, что может заставить ее полюбить его. Он не просто хотел переспать с ней, черт возьми, он хотел... он хотел... чего именно он хотел?

'Почему?' - резко спросил он. Внутреннее смятение, с которым он боролся, сделало его тон резче, чем ему хотелось. Голубые глаза слегка вздрогнули от его тона, и он почувствовал, как у него упало сердце. Ламберт уже на полосе неудач. Чертовски здорово.

'Мне это нравится ' . Она сказала просто.

«Если ты так говоришь, то просто не видишь привлекательности целый день царапаться в грязи, как курица». На мгновение она странно посмотрела на него, и у него возникло знакомое чувство ожидания отказа. Человек, с которым он разговаривал, часто отворачивался с отвращением или оскорблением из-за его грубого отношения. Но Голубые глаза, в своей типично странной манере, не сделали ничего из вышперечисленного. Вместо этого она рассмеялась. Длинно и жестко, ее голова запрокинута, высокие звуки ее смеха разносились по двору. Ламберт не знал, что делать. Раньше он заставлял ее смеяться, но только Эскелю удавалось вызвать у нее такую реакцию. Он почувствовал теплое свечение в груди, и легкая ответная улыбка растянулась на его лице, когда она постепенно отдышалась.

— Ты только что назвал меня цыплёнком? Сказала она между вздохами. Он пожал плечами, улыбка все еще здесь.

'Может быть. А если серьезно, вам не обязательно делать все это, чтобы попасть на хорошую

сторону Весемира. Он уже любит тебя за то, что ты починил эту дерьмовую восточную стену. Ты хоть знаешь, как долго он пытался починить эту штуку?

«Я делаю это не ради Весемира. Я же говорил тебе, мне нравится садоводство. Меня это радует, а тебя разве ничто не радует?» Ламберт почувствовал легкое головокружение от их разговора. Это был самый длинный их разговор за последние несколько недель, и у него от этого закружилась голова. Он забыл, насколько хорошо она заставляла его чувствовать себя. Как... нормально. На мгновение он почти забылся и сказал, что именно она делает его счастливым. Вместо этого он выпалил: «Рыбалка».

Голубые глаза сдерживали смех, он видел, как он сиял в ее глазах. Затем она взяла себя в руки и мудро кивнула. «Конечно, я видел, как ты почти каждый день ходил на озеро после учений». Эскель был прав: она наблюдала за ним. Между ними возникла долгая пауза, и никто больше не знал, как разговаривать с другим. В конце концов Голубые глаза повернулись, чтобы осмотреть ее работу, ее руки слегка покоились на бедрах. «Уход за растениями делает меня счастливым. С тех пор, как я стал... ну, я, животные меня не особо любят. По крайней мере, так я смогу позаботиться о том, что не сможет убежать».

Она не смотрела на него лицом, но Ламберт слышал печаль. Он не ответил, зная, что скажет что-то не то, поэтому вместо этого пробежался взглядом по саду с травами, который она так кропотливо восстанавливала. Когда-то заросший участок земли теперь был выстроен аккуратными линиями: простая каменная тропа, пролегающая между зарослями мандрагоры, волчьего яда, белого мирта и кустов чемерицы. Она приложила немало усилий, чтобы собрать растения со всего Каэр Морхена, и теперь они благополучно расположились в крошечном саду, огороженном каменными стенами. Она даже уложила соломой основание каждого из них, чтобы защитить их от сильного снега. Он должен был признать, что выглядело это хорошо.

Его взгляд упал на девушку рядом с ним, и он понял, что переместился, и они оказались рядом. Он знал, зачем пришел сюда, и слова братьев эхом отдавались в его голове, но теперь, стоя рядом с ней, нюхая ее и наблюдая за этой маленькой складочкой, он почувствовал, что его нервы дрожат. Она только снова отвергнет его, скажет, чтобы он оставил ее в покое. Что он оттолкнул ее. Однако он не мог отделаться от мысли, что, возможно, просто возможно, она сказала ему это только в первый раз, потому что боялась, что он сбежит. Как те животные.

— Ты хочешь пойти со мной на рыбалку? Он обнаружил, что его рот шевелится еще до того, как он принял решение сказать это. 'Как сейчас.' Голубые глаза медленно повернули голову, чтобы посмотреть на него, облака неуверенности на мгновение собирались, а затем полностью рассеялись, оставив после себя блестящее летнее небо.

'Конечно.'

Элли не совсем понимала, что она делает и почему она согласилась на это, но она практически перескакивала по сложному пути, по которому ее вел Ламберт. Было хорошо, когда они были вдвоем, как в старые времена.

Небо было ясным, облака далекими и тонкими, никакой угрозы снега. Огромное синее пространство, зимнее солнце светило на них, заставляя Элли широко улыбнуться, подпрыгивая позади Ламберта. Было по-прежнему невероятно холодно, яркое солнце и легкий ветерок не могли разогнать лед в воздухе. Земля была твердой и слегка скользкой от инея и снега, хотя он еще не успел сформировать на земле одеяло. С этим справились бушующие ветры и спорадические ливни. Однако сейчас уже была почти середина зимы, так что становилось только холоднее. Эта мысль немного беспокоила ее.

Они не разговаривали с тех пор, как она согласилась пойти с ним. Он повернулся, не сказав больше ни слова, и пошел прочь, как всегда, когда шел к озеру. Он был немного резок в своей просьбе, и любому незнакомому с остроконечным ведьмаком это показалось бы грубым, но она заметила небольшое дрожание в его голосе, когда он говорил, и могла бы поклясться, что его лицо было лишь немного краснее, чем обычно. Как он отвернулся. Молчание между ними теперь не было неловким, напротив, оно было комфортным, почти успокаивающим.

Подойдя к нему, она украдкой взглянула на его лицо и была ошеломлена, увидев, что он улыбается. Действительно, редко можно было не увидеть нахмуренного взгляда или ухмылки на его выразительном лице, и она вспомнила тот случай, когда она наблюдала, как он спит. Он выглядел моложе, красивее. Ее живот сильно сжался.

Их дыхание затуманилось перед ними, когда они спустились по каменистой тропе, ведущей от крепости. Они пробирались сквозь высокие сосны, опасно расположенные на краю отвесных серых скал, из которых был построен Каэр Морхен. Время от времени Элли мельком видела сквозь стволы и ветви озера его поверхность, спокойную на спокойном ветру, стеклянное зеркало, отражающее солнце яркими преломлениями. Ее сердце наполнялось волнением каждый раз, когда она видела это. Она никогда раньше не ловила рыбу и понятия не имела, что делать, но мысль о выходе на это идеальное водное пространство заставила ее подумать о доме.

Когда они приблизились к берегу озера, сосны уступили место высокой траве и болотистой земле, когда над ними послышался громкий визг. Элли рефлекторно сделала шаг в сторону, подняв голову к небу. В отвлеченном состоянии она столкнулась с плечом Ламберта. Он тихо фыркнул, но не отошел от нее, а вместо этого обнял ее, чтобы удержать на месте.

«Это просто гарпия. Нас не побеспокоит, если мы не пошевелимся. Она чувствовала, как его голос грохочет в его груди, и болезненно ощущала жар, исходящий от его тела даже в морозном климате. Взглянув вверх, она увидела темную вспышку перьев и бледной кожи, затем стремительный хлопок хлопающих крыльев удалился вдаль, исчезнув за гребнем серого камня, с которого они только что спустились.

'Видеть. Все хорошо.' — сказал Ламберт тихим голосом, прежде чем медленно высвободить ее из своих рук. В горле Элли внезапно стало очень сухо, и впервые с тех пор, как она ушла с ним, в нем пустило корни семя страха. Он бесстрастно посмотрел на нее, затем продолжил путь к озеру и небольшой деревянной хижине, стоявшей на берегу.

Просто дружеская прогулка, мы просто друзья. — повторила Элли про себя, следуя за ним. Но даже она не очень-то в это поверила.

'Все на борт.' — сказал Ламберт, развязывая толстую веревку от причала, отлетевшую от хижины. Ее взгляд пробежался по его длине, пока не остановился на маленькой парусной лодке, покачивающейся на чистой воде. Он выглядел немного потрепанным непогодой, и в парусе было несколько дыр, но Элли поймала себя на том, что неудержимо ухмыляется, глядя на него.

'Она прекрасна. У нее есть имя? Ламберт на мгновение выглядел озадаченным, затем на его лице расплылась искренняя улыбка, которую она любила.

— Кларисса. Когда он произнес имя, его голос был мягким, и Элли с любопытством посмотрела на него.

«Это прекрасное имя. Позорная Лошадь не получила такого обращения». Внезапно улыбка

исчезла, и на его лицо снова вернулся тот знаменитый угрюмый вид.

— Его зовут Уорсон. А лодка и лошадь — это две совершенно разные вещи». Он дернул за веревку слишком сильно, в результате чего «Кларисса» дернулась к нему на воде. Взявшись за край, он опустил его и указал Элли войти. Подавив смешок, она подчинилась, тайно испытывая облегчение от того, что разрядила внезапно очень эмоциональную атмосферу между ними. Лодка слегка покачивалась, когда она устроилась на деревянной скамье подале от румпеля, и покачивалась еще сильнее, когда Ламберт втянулся в нее. Возможно, она никогда не ходила на рыбалку, но она была на многих лодках, в основном из-за того, что Чистилище был окружен водой. Остров зданий, плавающий в бескрайнем море.

На лице ведьмака, пока он отчаливал, все еще стоял угрюмый взгляд. Разворачивая парус и направляя лодку в спокойные воды озера. Мир, казалось, открылся вокруг них, когда они скользнули по стеклянной поверхности, небо идеально отражалось в нем, так что казалось, будто они летят. Когда ветер обрушился на нее, Элли почувствовала, как на ее лице растет улыбка. Даже ледяная температура не могла испортить ей настроение, и чем дальше они отходили, тем больше резкие морщины исчезали с лица Ламберта, пока он снова почти не улыбался.

Озеро еще не пострадало от зимы. Пейзаж вокруг представлял собой лоскутное одеяло из темной земли и блестящих сугробов, которые по мере подъема в горы превращались в сплошную белую тундру. «Это замерзнет примерно на следующей неделе». — сказал Ламберт, по-видимому, прочитав мысли Элли. — Тогда до весны рыбы больше не будет.

Они были практически в центре озера, когда он отпустил парус и медленно остановил их. Достав из-под сиденья небольшой железный якорь, он с плеском швырнул его в сторону и занялся кожаной сумкой, которую взял с собой. Элли озадаченно наблюдала за ним, и в этом образе ее внезапно осенила странность.

— Где твоя удочка? Ламберт прервал свои поиски и посмотрел на нее с каменным лицом, но одна бровь непристойно дернулась вверх. Вздохнув от разочарования и смущения, она перегнулась через борт и направила на него волну ледяной озерной воды. Он ухмыльнулся и легко уклонился от худшего, и лишь несколькими каплями удалось достичь своей цели. 'Если вы понимаете, о чем я. Выкиньте свой разум из сточной канавы.

Он снова выпрямился на сиденье, его ухмылка стала волчьей. «Но моя дорогая, именно об этом я всегда думаю».

— Разве я не знаю этого... извращенец. — сказала Элли себе под нос, но тоже ухмылялась. Убрав сумку, Ламберт подбросил на ладонь что-то маленькое и круглое.

«Я не пользуюсь удочкой. На это нет времени, к тому же так веселее». Нахмурившись, она попыталась понять, что он имел в виду, затем ей удалось лучше рассмотреть предмет, который он сейчас небрежно перебрасывал из руки в руку, и ее мышцы напряглись.

— Это бомба?

'Ага.' Он ответил солнечно, легко поджег фитиль большим и указательным пальцами и швырнул его через руку от лодки в тихие воды озера. Элли инстинктивно пригнулась, вцепившись в деревянное сиденье, на котором сидела, в некоторой надежде остаться на борту. Она не сводила глаз с места, где бомба упала с тихим шлепком в воду, и несколько ленивых волнений были единственным признаком беспокойства в течение полсекунды. Затем из-под них раздался оглушительный рев, стеклянная поверхность озера разбилась гейзером

пенящейся белой пены примерно в двадцати футах перед ними. Маленькая лодка сильно покачнулась после взрыва, но, к счастью, не перевернулась.

Наступила тишина, когда вода вернулась в свою первоначальную форму, хотя в ушах Элли звенело с энтузиазмом, и не от кого-то, кто использовал магию поблизости. — Что... черт... ты делаешь? Наконец сказала она, глядя на Ламберта в равной степени недоверчиво и возмущенно. Он просто ухмыльнулся ей в классической манере Ламберта.

'Ловит рыбу.' Сказал он в качестве ответа и наклонился, чтобы достать из сумки еще одну бомбу.

'Эй, эй, эй. Разве этот метод не превращает рыбу в пасту?' Он покачал головой, снова покачивая новую бомбу на ладони.

«Просто оглушает их. Вы увидите через секунду. При этом он указал туда, куда он бросил свой первый снаряд. Вода все еще безумно танцевала от неожиданного волнения, а рябь медленно уменьшалась на глазах. И действительно, как только вода почти остановилась, на поверхность всплыли несколько продолговатых серебряных тел. Совершенно цел и совершенно неподвижен.

'Хм.' Она сказала.

'Видеть. Вы пытаетесь.' — сказал Ламберт, наклоняясь к ней, чтобы передать бомбу. Когда она ошеломленно взяла его, их пальцы соприкоснулись. Во всей этой суматохе Элли не заметила, как он снял кожаные перчатки, и неожиданный контакт теплой кожи с ее собственной заставил ее вздрогнуть. В его янтарных глазах мелькнула обида, но она быстро исчезла, выражение его лица превратилось в стоическую маску, а покрасневшее волнение, которое было несколько мгновений назад, исчезло.

Вина и стыд охватили Элли, когда она взяла в руку гладкую металлическую сферу. Она не хотела его обидеть. Это была всего лишь искра тепла, вызванная его кожей, которая все еще пульсировала, как ожог на ее руке, даже сейчас. Это опасно, ты не должна быть здесь... наедине... с ним.

Хотя ее разум выкрикивал предупреждение, она ярко улыбнулась ведьмаку и повернулась, чтобы выбрать место, чтобы бросить бомбу. Возможно, она хочет сохранить вежливость, но это не значит, что он будет расстроен. Теперь ее единственной заботой было вернуть улыбку на его лицо.

«Куда мне его бросить?» — спросила она, рассматривая воду.

«Попробуй другое место. Рыбы имеют тенденцию расчищать территорию после того, как я взорвал бомбу». Его голос был монотонным, и Элли почувствовала, как у нее сжалось в груди.

— Не могу себе представить, почему. Она нахально выстрелила в него, одарив его быстрой улыбкой через плечо. В награду она была вознаграждена легким движением губ, но не более того.

«Убедитесь, что вы бросили его на достаточное расстояние, чтобы не пришлось вылавливать вас из озера». Сказав это, он снова наклонился вперед и зажал бездействующий предохранитель между большим и указательным пальцами. Находясь совсем близко, Элли увидела короткую оранжевую искру, возникшую просто из ниоткуда, зажигающую предохранитель и заставляющую его мерцать. Издав небольшой пугающий звук, она встала и

быстро отвела руку назад, запустив бомбу в противоположный борт лодки.

Он грациозно кувыркался прочь от нее, и предохранитель представлял собой прерывистую вспышку света при вращении. Затем с тихим всплеском он исчез в озере. На этот раз Элли осталась стоять, внимательно наблюдая за водой. Дрожь предвкушения пробежала по ее спине, и она почувствовала, как статическая энергия подсознательно сгущается вокруг кончиков ее пальцев в возбуждении. Когда наконец раздался взрыв, она удержала равновесие, двигая коленями в такт качающейся лодке. Краем глаза она увидела, как Ламберт делает то же самое, не отрывая глаз от взлетевшей вверх воронки воды.

Широкая улыбка расплылась на ее лице, и она покачивалась вверх и вниз, хлопая в ладоши, как ребенок. 'Это было весело.'

Ламберт с тревогой посмотрел на нее, пока она танцевала на месте, вцепившись в мачту, чтобы оставаться в вертикальном положении. — Полегче, полегче, этим ты сделаешь дыру в корпусе. В его голосе звучало раздражение, но улыбка, которую ей удалось прогнать своей бездумной реакцией, вернулась сначала медленно, а затем полностью, когда она продолжала подпрыгивать вверх и вниз.

«Я серьезно, Голубые глаза, хватит, блин, скакать». В его голосе теперь был заметный смех, когда он схватил ее, пытаясь удержать на месте. Элли почувствовала чувство вины, которое сковывало ее освобождение, и у нее закружилась голова от радости.

'Другой.' — потребовала она, с каждой секундой все больше походя на своего младшего брата.

«Такими темпами рыбы не будет, но кто я такой, чтобы отказывать красивой девушке в ее желании». Ламберт лукаво подмигнул ей, роясь в сумке в поисках еще одной бомбы. Элли почувствовала, как ее щеки вспыхнули от жара. Это был первый раз, когда он открыто флиртовал с ней, и это крошечное семя страха пустило корни дальше. Просто друзья.

Голос предупреждения в ее голове все еще звучал, но чем дольше она проводила на озере, тем тише становился. Хотя она знала, что держаться на расстоянии от Ламберта будет лучше, она скучала по нему. Как будто в ее груди пробили дыру, и каждый раз, когда она видела, как он проходил мимо и не обращал на нее внимания, дыра становилась немного больше. Теперь почти не осталось следов дыры, и она в волнении схватилась за борт лодки, когда он зажег третью бомбу и швырнул ее в воду.

«Бомбы прочь!» Она закричала, когда он пролетел над головой. Ламберт ухмыльнулся ей.

'Ты странный.' Сказал он, хотя в его голосе была нежность, а в глазах теплота, от которой у нее сжался желудок. Семя раздулось у нее в животе, но сейчас ей было слишком весело, чтобы обращать на это внимание.

Бум! Озеро снова вспыхнуло. На этот раз бомба приземлилась ближе, и на лодку обрушилась завеса холодной воды. Элли кричала и громко смеялась. Держа руки над собой и закрывая глаза, когда вода ударила ей по векам, как крошечные осколки льда.

'Дерьмо.' Она услышала, как Ламберт ругается над ее ликующими криками. — Это было слишком близко. Она приоткрыла глаза и увидела, как ведьмак трясет руками, разлетаются капли воды. Его темные волосы были влажными и спутались ко лбу в беспорядочный клубок. Элли фыркнула и махнула рукой, так что на него полилось еще больше воды. — Прекрати это. Он огрызнулся, хотя выражение его лица было мягким и за ним не было никакой реальной силы.

'Извини.' Элли усмехнулась, снова устраиваясь на частично мокром сиденье.

«Давайте соберем то, что у нас есть. При таких темпах этого должно хватить, чтобы прокормить нас всех до лета. Элли почувствовала, как у нее замирает сердце при мысли о том, что поездка уже закончилась. Давно она так не смеялась, и она могла бы поклясться, что Ламберт выглядел так же неохотно, как и пытался снова натянуть парус.

'Ждать.' — Сказала она, — Ламберт сделал паузу с растерянностью на лице. — Дай мне попробовать кое-что.

Слегка прищурив глаза, он наблюдал, как она склонилась над бортом лодки, край которой погружался в воду. Она осторожно протянула руки, растопырив пальцы. Между их кончиками все еще потрескивала остаточная энергия. Нежные синие линии заставляют их светиться. Сосредоточившись, она начала черпать энергию из воздуха. Облаков не было, и ей не хотелось вызывать настоящую грозу, достаточно электричества, чтобы что-то потрясти. Воздух вокруг нее начал нагреваться, ощущая металлический привкус на языке, высунутом изо рта. Теперь она могла слышать потрескивание электричества, исходящее из ее рук, и то, что раньше было несколькими слабыми искрами, теперь превратилось в светящуюся паутину энергии. Она подождала, пока ее руки почувствуют себя живыми благодаря сдерживаемой силе, а затем погрузила руки в ледяную воду.

Внезапно поверхность озера, казалось, засияла тем же ярким голубым светом, который окружал ее руки. Под ними послышался приглушенный треск, словно ударила молния, затем воздух прояснился, и единственное, что осталось после него, — едкий запах сожженного озона. Это заняло на мгновение больше времени, чем тогда, когда они использовали бомбы, но в конце концов стеклянная поверхность внезапно заполнилась сотнями ошеломленных рыб всех размеров.

«Черт возьми, голубые глаза». — заметил Ламберт, недоверчиво глядя на награду, которую она только что дала.

'Не волнуйся. Этого было недостаточно, чтобы поймать всю рыбу в озере».

— Конечно, только большинство из них. Он сел рядом с ней, повернув голову, наблюдая за кровавой бойней. — Напомни мне никогда не злить тебя. В ответ она игриво подтолкнула его, но он бросил на нее настороженный взгляд, и они внезапно погрузились в молчание.

Во рту Элли внезапно пересохло, и она не знала, куда деть руки. Она волновалась, что это произойдет, если она останется с ним наедине, но в ее голове неловкая тишина воцарилась еще в самом начале их прогулки. Не тогда, когда они вместе застряли посреди большого озера. Не зная, что делать, она решила посмотреть на этот вид, на что угодно, лишь бы удержаться от этого опустошительного, огненного взгляда. Впервые она заметила, что отсюда видно крепость. Крошечные игрушечные серые стены и разрушающиеся башни возвышались высоко на склоне горы. Вокруг него кружился ореол солнца, а в лазурном небе кружилось множество птиц. При виде этого она почувствовала, как успокаивающее тепло разлилось по ее груди. Чувство дома почти.

— Почему ты так ненавидишь это? Она поймала себя на том, что говорит, нарушая напряженное молчание. Ламберт не ответил сразу, и она обнаружила, что боится взглянуть на него. Наконец он подвинулся рядом с ней, и у него вырвался тихий вздох.

«Он полон дерьмовых воспоминаний».

Элли вздохнула. Она могла услышать угрюмость в его голосе, даже не глядя. «Иногда бывают дома, но бывают и хорошие воспоминания. А что насчет того, чтобы вырасти вместе со своими братьями, это, должно быть, было здорово». Ламберт фыркнул позади нее.

«Сомневаюсь, что они назовут время, проведенное со мной, приятным». Горечь в его голосе заставила ее обернуться и посмотреть на него. Он пристально смотрел на крепость, его рот сложился в тонкую линию. Это не имело смысла, его обида на других ведьмаков, когда она увидела заботу и понимание, которые они испытывали к нему.

— Хотя они заботятся о тебе. Конечно, да. Еще один фыркание, и его взгляд оторвался от Каэр Морхена и остановился на ней.

«Ты своего рода исключение из правила. Голубые глаза». Она нахмурилась.

'Что ты имеешь в виду?' Он некоторое время смотрел на нее, раздумывая, стоит ли ей отвечать.

«Я обижался на всех и вся с тех пор, как стал ведьмаком, и думаю, что через некоторое время люди просто научились обижаться на меня в ответ. Не знаю, заметили ли вы это, но люди склонны меня избегать. Даже вы.' Элли почувствовала, как отшатнулась, когда он дал ей пощечину. Она не избегала его, не намеренно. Ее единственной мыслью было сохранить его в безопасности. Если бы она искала его общества каждый день, шансы на это были бы практически нулевыми. Но он думал...

'Ламберт...'. Она сказала, не зная, как объяснить. Он уставился на нее, на его лице застыла старая маска высокомерного неповиновения. Именно там она наконец увидела его, мальчика, которым он был до ведьмака. Прячась за своей язвительностью и горечью, отталкивая всех... как и она. Внезапно ей не захотелось объяснять, ей захотелось слушать.

'Скажи мне.' Сказала она, широко раскрыв глаза и наклонившись к нему. Он рефлекторно отступил назад, настороженно.

'Скажу тебе что?'

«Как ты стал ведьмаком». На мгновение ей показалось, что он не ответит. Что она просила о чем-то табу. Потом он начал говорить.

«У меня было дерьмовое начало в жизни. Я родился в бедности; мой отец был пьяницей, который каждую ночь избивал меня и мою мать до потери сознания. Мы молились об освобождении от его тирании, но боги жестоки и плохо слышат. Вместо того, чтобы избавить нас от него, они спасли его, а затем использовали меня в качестве платы». Элли ничего не сказала, не желая перебивать, но ее брови нахмурились, услышав загадочную историю Ламберта. Он сделал паузу, заметив ее замешательство, и вздохнул, долго и тяжело.

«В этом мире есть закон. Закон, который позволяет тем, кто заслужил благосклонность, завладеть чьей-то самой ценной собственностью. Они не выбирают приз, судьба делает это за них. Это известно как закон неожиданности. Однажды ночью мой отец напился и наткнулся на гнездо неккера. Он бы умер, и скатертью дорога, если бы его не спас... ведьмак.

«Дайте мне первое, что вы увидите, когда вернетесь домой». Ведьмак сказал, и мой отец согласился. Меня обменяли на жизнь этого пьяного ублюдка. Мой выбор отнял один человек, которого я презирал больше всего в этом мире. Излишне говорить, что мне не нравилось, когда меня отбуксировал незнакомец, привез в эту продуваемую сквозняками крепость и провел через ад, чтобы превратить в... урода. Мутант. В него плевали и избегали, как ребенок,

похищающий ведьмака. Последние слова он выплюнул со злостью, и Элли почувствовала, что автоматически отшатнулась от ядовитости в его голосе. Ей хотелось протянуть руку и сказать ему, что все в порядке. Жизнь иногда выбирала за тебя, но это не значит, что у тебя не было выбора. Однако, взглянув на него, она обнаружила, что слова замирают на ее губах. Было слишком много боли и обиды, чтобы простая фраза и заботливое прикосновение могли помочь.

«Знаете, временами я думал о том, чтобы покончить с этим. О том, чтобы покончить с собой, но это означало бы, что ублюдок победил. Что он сломал меня до основания, и черт возьми, собираюсь ли я дать ему и это». Ламберт посмотрел на свои руки, сложенные на коленях. — Я вернулся после того, как меня изменили, чтобы найти его. Дом выглядел прежним, но он выглядел старше. Я не мог видеть свою мать; возможно, она умерла или каким-то чудом ускользнула от него. Я не остался, чтобы это выяснить. Я показал ему, кем я стал, и отомстил. Это было все, что меня волновало в то время».

Он погрузился в молчание. Лодка мягко покачивалась на озере, далекие крики птиц эхом разносились по горам. Элли смотрела на него, его голова была опущена, руки все еще сложены, словно в молитве.

— Это помогло? Сказала она, нарушив молчание. Ламберт поднял глаза с суровым выражением лица.

'Может быть. На какое-то время мне стало легче. Вы когда-нибудь отомстили? О тех, которые убили твою семью?

Она напряглась. Она никогда ни с кем по-настоящему не говорила о последствиях того момента. Даже Соломон. 'Я сделал.' - медленно сказала она.

Ламберт склонил голову. 'Хороший. Я рад.'

'Что насчет твоей мамы? Вы когда-нибудь искали ее? Она не была уверена, заметил ли он, что она сменила тему, но он искоса посмотрел на нее, прежде чем ответить.

«Думаю, я был слишком напуган. Если она жива, я хочу, чтобы она помнила меня таким, каким я был. Не то, чем я стал. Его взгляд снова метнулся к рукам, и Элли увидела взгляд потерянного, грустного мальчика.

'Вы хороший человек.' - сказала она мягко. Ее грудь сжималась от жалкого положения его плеч.

'Нет. Я не. Я убиваю, трахаюсь и пью. Я такой же плохой, как он. Я пытался убить тебя... дважды. Иногда я думаю об этом, знаешь. Я лежу без сна и думаю о том, как бы все было, если бы ты мог умереть, и я выполнил бы этот контракт».

Она подошла к нему на сиденье, лодка покачивалась от движения. — Возможно, это облегчило бы задачу.

«Все равно было бы дерьмово. Я дерьмо.

'Ламберт...'. Сказала она, ее рука сама по себе двинулась и нежно легла на его щеку. Она поняла, что совершила ошибку, как только он поднял на нее глаза. Атмосфера вокруг мгновенно изменилась. Внезапно он загудел электричеством, и она не могла его контролировать. Воздух в ее легких казался горячим и тяжелым, и она судорожно вздохнула, когда его взгляд впился в нее. Две пылающие ямы привязанности и желания. Она не была

уверена, кто двинулся первым: в одну минуту они сидели в нескольких дюймах друг от друга, а в следующую уже были в объятиях друг друга.

Элли уже представляла, как целует его. В долгие, одинокие ночи в замке. Ее мысли переходили к его глазам, его губам, ощущению его рук; но это была всего лишь мечта, а реальность была гораздо более могущественной. Его рука зарылась в ее волосы, схватила их и притянула ее лицо к своему. Другой крепко обхватил ее за талию, прижимая ее тело к себе. Однако они волновали ее меньше всего, именно его рот стал ее главным объектом внимания. Движение этих полных губ к ее собственным, которое высасывало воздух из ее легких и заставляло ее чувствовать себя одновременно тяжелой и легкой.

Все ее тело было наполнено тем странным, неосязаемым электричеством, которое появилось вокруг них. Ее пальцы покалывали, когда они пробежали по его влажным темным волосам, вдоль линии подбородка, по щекам. Она не была очень опытной в поцелуях, ей, к сожалению, не хватало знаний в этой конкретной области. Ламберт, напротив, точно знал, что делает. Он направлял своим ртом, своим языком. Передвигая ее, когда он хотел углубить поцелуй, провел языком по ее нижней губе, заставляя их раздвигаться в пьянящем вздохе. Ее мозг был путаным, дыхание прерывистым, и когда в момент страсти он закусил ее губу, она практически растворилась в нем с гортанным стоном.

Прошли дни, месяцы, годы, прежде чем тихий, нежеланный голос наконец прорвался сквозь ее блаженное оцепенение. Слишком опасно, помните остальных. Ее кожа, которая до этого момента горела, похолодела от ужаса. Что она делала? Это было то, чего она хотела избежать. Если так будет продолжаться, если она позволит себе так чувствовать, он умрет, как и все остальные. Внезапно в ее сознании вспыхнул образ Ламберта, бледного и холодного, лежащего на земле, и она резко оторвалась от него.

'В чем дело?' Он спросил. Голос у него хриплый, губы красные и опухшие. Их лбы соприкасались, и она отчаянно пыталась освободить свой мозг от тумана. Теплый аромат корицы наполнил ее нос, заставив голову кружиться.

— Элли. Он дышал. Ее имени на его губах было почти достаточно, чтобы она сдалась. Проигнорировать предупреждение и позволить ему поглотить себя. Ее грудь была близка к разрыву от счастья, но она знала, что уготовила им судьба, если они пойдут по этой дороге.

«Я не могу этого сделать. Не снова. — сказала она сбивчиво. Отклоняясь, хотя его руки все еще были на месте, сопротивляясь ее побегу.

'Что ты имеешь в виду?' — спросил он, его голос стал немного яснее. Выражение его лица смутилось.

'Мне жаль.' Сказала она высоким голосом, чувствуя, что уже наворачиваются слезы.

Она не была уверена, где она нашла силы, но внезапно, в отчаянии, чтобы избежать этой нелепой ситуации, в которую она себя поставила, она почувствовала, как статическая энергия в воздухе ударила в нее. Наполнив свое тело достаточной силой, чтобы освободиться от него. Она вырвалась из его рук и полетела через озеро в электрическом разряде, прежде чем успела подумать. Ее единственный инстинкт — снова установить дистанцию между ними... ради него.

Она знала, что поступает правильно. Возможно, она не сможет любить его так, как ей хотелось, но, по крайней мере, он останется жив. Когда она столкнулась с берегом озера, электрическая энергия, которая перенесла ее сюда в мгновение ока, рассеялась, и она побежала так быстро, как только могла, обратно к крепости.

Она не стала оглядываться назад и не увидела одинокого ведьмака посреди озера. Темная грозовая туча собиралась над ним в кристально-голубом небе.

<http://tl.rulate.ru/book/100009/3430586>